

М. Т. Валиев, А. Ф. Клебанов

«РУССКИЙ КЛУБ» ЦЕЙДЛЕРОВ

История проникновения немецкой культуры в государство российское имеет давние и общеизвестные корни¹. С начала XVIII в. немецкая слободка стала неотъемлемой частью российского городского пейзажа, немецкий язык долгое время являлся основным языком российской науки, с легкой руки Петра I повсеместно внедрялись немецкие стандарты государственного устройства. Стоит вспомнить, что до конца XVII в. всех иностранцев в России называли немцами (немыми, лишенными понимания русского языка). Еще одним доказательством обильных межнациональных связей с Германией может служить перечень дел о переходе в российское гражданство — смотришь картотеку в российском государственном историческом архиве (РГИА) и ловишь себя на мысли: три четверти иностранцев приходили в Россию из немецких земель — Пруссии, Саксонии, Голштинии².

Безоговорочно влияние немецкой науки и немецкой школы на российскую Академию наук и российское образование в целом. Достаточно напомнить, что из тринадцати академиков первого состава Петербургской Академии девять являлись немецкими учеными. Можно сказать, что голландцы научили нас строить корабли, итальянцы — возводить дворцы, а немцы — учить и учиться. Описание борьбы Михайло Ломоносова с «засильем немца» в Российской Академии наук во многом носит заказной характер — на самом деле влияние и вклад немецкой культуры в становление русского образования и науки имеют неопределимое и бесспорное значение³.

Даже одиозный критик пангерманизма А.В. Королев вынужденно признавал: «...Ни для кого не тайна, что система нашего среднего и высшего образования была заимствована из Германии, и, быть может, ни в одной области русской жизни не сказывалось так сильно немецкое влияние, как именно в нашей школе»⁴.

К великому сожалению, XX век нанес ощутимый вред отношениям двух великих народов. Две мировые войны развели нас по разные стороны фронтов, в исторической памяти народов преобладают негативные мотивы. Тем важнее по крупицам восстановить светлые страницы истории и попытаться вернуть заслуженное уважение к влиянию немецкой нации, немецкой культуры, науки, государственности на нашу историю.

Надеемся, что подробный рассказ об одной немецкой семье послужит нашим маленьким вкладом в восстановление доброго имени «русских» немцев.

Родоначальником российской ветви «наших» Цейдлеров стал **Фердинанд Фридрих Цейдлер**. Фердинанд Фридрих родился 4 марта 1822 г. в семье адвоката в саксонском городке Хильдесхайме, и, как показывают дальнейшие генеалогические поиски, семья не утратила связей со своей исторической родиной — один из послереволюционных «побегов» родового древа возродился на прародине. В 1851 г. Фридрих Цейдлер уже студент математического факультета Геттингенского университета⁵. Именно на это время приходится первое упоминание «русского следа» в семейной истории — успешному студенту одного из ведущих университетов Германии была назначена стипендия великой княгини Ольги (1822–1892)⁶.

Сейчас мы сказали бы, что стипендия выплачивалась с условием последующей отработки на ниве российского народного образования. Думается, что таким образом княгиня Ольга заботилась о повышении качества преподавания в отечественной школе. Именно поэтому после окончания университета, не позднее начала 1856 г., Фридрих Цейдлер приехал в Выборг и поступил преподавателем математики в знаменитую школу Карла Бема (1823–1856)⁷. Можно предположить, что одногодки Бем и Цейдлер были знакомы еще до приезда Фридриха в Выборг.

Школа Бема, одна из первых в России частных гимназий-пансионов, несмотря на сравнительно короткий срок существования, к моменту приезда Фридриха была уже достаточно известна и популярна. Молодой учитель математики пользуется заслуженным уважением у питомцев и коллег. К сожалению, в 1856 г. в молодом возрасте умирает основатель и директор гимназии Карл Бем и тридцатичетырехлетний Фридрих Цейдлер становится его преемником. К этому же времени — июль 1860 г. — относится и начало счастливого брака с **Бертой Альбертовной Кемпе (1840–1925)**.

Отличительной особенностью школы Бема было повышенное внимание к изучению русского языка, даже «большее, чем в местных правительственных заведениях, шведских и финских». Авторитету школы способствовал и тщательно подобранный состав педагогов. Вполне вероятно, что принципы организации школы Бема были хорошо знакомы основателю немецкой частной школы Карлу Маю (1820–1895). Важно упомянуть, что вторым браком Карл Май был женат на Агнесе Альбертовне Кемпе (1845–1928), младшей сестре жены Фридриха Цейдлера. Трудно предположить, что сестры не принимали участие в «семейном бизнесе». Документально подтверждено, что Агнесса Май многие годы занималась активной педагогической деятельностью в школе Мая⁸. Родственными были не только семьи, но и школы Бема–Цейдлера и Мая. Можно смело сказать, что Фридрих Цейдлер и Карл Май были не только родственниками, но и соратниками.

Уже через год после свадьбы Фридриха и Берты Цейдлеров на свет появился их первенец, **Герман** (1861–1940). В будущем счастливая семья Цейдлеров с завидным постоянством прирастала новыми членами — **Людвиг** (1863–1916), **Альберт** (1865–1908), **Эмма** (1868–?), **Клара** (1870–1951), **Рудольф** (1872 — после 1965?), **Густав** (1874–1959) и **Антония** (1876–?)⁹. Интересно отметить, что все дети родились в Выборге и были записаны как «уроженцы княжества Финляндского», что служило в последующем поводом для ошибочного толкования национальности и некоторым препятствием в делах службы¹⁰.

Все сыновья Фридриха Цейдлера, кроме Альберта, провели в стенах гимназии Карла Мая от одного до пяти лет, причем Герман, Густав и Рудольф закончили здесь полный курс средней школы¹¹. Скорее всего, это объясняется тем, что по существовавшей традиции дети директора школы не могли заканчивать учебное заведение, возглавляемое их родителем (в конкретном случае — школу Бема–Цейдлера в Выборге). С другой стороны, в школе Мая дети учились у родных дяди и тети и, конечно, находились под их доброжелательным присмотром. Родители могли спокойно доверить воспитание своих чад близким родственникам.

Именно к периоду учебы Цейдлеров в гимназии Карла Мая относится одна из самых ярких и верных характеристик семьи героев нашего рассказа, приведенная в удивительно живописных воспоминаниях однокашника Густава Цейдлера Ивана Васильевича Петрашени (1875–1937)¹². Эти строки посвящены в основном Густаву Цейдлеру, но в них хорошо передана общая атмосфера семьи Цейдлеров. В од-

ном классе с Густавом учились в будущем знаменитый художник Н.К. Рерих (1874–1947), будущие доктор медицины А.Д. Боговский (1876–1927), художественный критик А.В. Скалон (1874–1919), инженеры О.А. Парланд (1876–1956) и Л.И. Шпергазе (1874–1927), архитектор Ф.Ф. Постельс (1873–1960). Позволим себе привести наиболее интересные отрывки из текста И.В. Петрашеня, сопроводив их небольшими комментариями.

«...Теперь я перейду к товарищам из так называвшегося “русского клуба”. Как я уже говорил, “русским клубом” именовалась наиболее шумливая и скандальная часть нашего класса, состоявшая из русских мальчиков и англичан. Большинство было русское. В качестве почетного члена состоял в этом клубе и полунемец-полуфинн Густав Цейдлер¹³.

<...> Теперь о Цейдлере Густаве, Густе, Густеньке, отзывавшимся также на клички “мерцац” и “стинкспиритус”. Последнюю кличку он получил от меня за выговаривание буквы “Ш” как “С”. Густав был младшим членом большой, довольно талантливой семьи. Вся семья Цейдлера состояла из весьма определенных цельных характеров, независимых друг от друга в своей повседневной жизни, свободных от всяких сентиментальностей и руководствующихся, как им казалось, только велением разума и расчетом. На словах все они были эгоистами, а мир принимали как кучу беспокойных атомов, вечно бесцельно, но иногда, правда, удачно толкающихся друг о друга, в результате каковой толкотни произошло “Все”. Разумеется, ни о каком долге человека к окружающей жизни, ни о каком служении идее или обществу у Цейдлеров не могло быть и речи, и если они делали что-либо для общества полезное, а все они были полезнейшими гражданами, то это они делали, как им казалось, исключительно для себя, так сказать, попутно, сознательно преследуя лишь свои интересы. Одним словом, они были последовательными материалистами — механистами, которые действительно только по недоразумению могут заботиться о всеобщем благе человечества. На деле вся семья Цейдлеров состояла из прекраснейших людей, сильных, деловых и нежных душою мужчин и женщин. Впоследствии, когда, будучи уже студентом, я стал посещать эту семью, меня особенно влекла к себе их милая престарелая мать¹⁴, сохранившая до глубокой старости молодость души и народнические убеждения шестидесятых годов. Она была в семье в этом отношении (отца Густава уже не было в живых) единственным экземпляром, все остальные никакого народничества не признавали, но все

ее любили, и она всех любила, а их вечные споры (за вечерним чаем, когда все сходились отдохнуть) на социальные темы были чрезвычайно забавны, когда старость была молодой, а молодость старой и до чрезвычайности мудрой.

По виду Густя был “добродушный чухонец”, что представляло забавный контраст его полной эгоистической свирепости высказываниям. Несколько выше среднего роста, рыжеватый блондин, светлоглазый, с выгнутым носом, небольшою круглою головою и кривоватыми ногами, он мог без всякого грима сойти за “вейку”¹⁵, на которых мы любили кататься на масленицу за “тридцать копеек”. Поступил он к нам в третий класс. В течение первого года мы с ним не сходились. Сошлись мы близко в 4 классе, когда я стал терять свою детскую веру.

<...> Через некоторое время, примерно через год, в 6-м классе, эти споры с Цейдлером у нас прекратились, т. к. я был захвачен в это время народничеством вместе со своим “благоприятелем” Поповым. Но крепкая дружба с Густавом у нас не прерывалась вплоть до моей женитьбы. Густав Цейдлер, как тебе, Мусенька, известно, стал впоследствии очень хорошим доктором по внутренним болезням. Долгое время он оставался холостяком, и мне жениться не советовал. “Ванька, дурак, не женись”, — говаривал он мне. Однако, узнав от меня, что я женюсь на Джесси Парланд¹⁶, он милостиво мне это разрешил: “Ну, уже если тебе так надо жениться, то на Джесси Андреевне лучше всего”, — благословил он меня».

Прежде всего обращает на себя внимание заслуженная легкость, с которой немец Густав Цейдлер становится почетным членом **РУССКОГО** клуба. Даже в этом маленьком факте отражается отношение семьи Цейдлеров к русской культуре, к ее основам и традициям. Немецкий орднунг, немецкая сентиментальность дают удивительные всходы на, казалось бы, чуждой славянской почве. Вся последующая история семьи Цейдлеров говорит о том, что они действительно стали «полезнейшими гражданами», и тем большее осознавать, какой непоправимый урон нанесли нашему отечеству последующие исторические потрясения.

В последний день 1886 г. покидает бранный мир патриарх рода Фридрих Цейдлер. Происходит это печальное событие в городе Валге¹⁷ на границе Эстонии и Латвии. К этому моменту старшему сыну, Герману Цейдлеру, уже исполнилось двадцать пять лет, и он смог стать опорой для своей матери, младших сестер и братьев. Большин-

ство из детей старшего Цейдлера к этому моменту уже выбрали свои профессии. Поразительно, но на протяжении всей обозримой фамильной истории представители семьи выходцев из милитаристской Пруссии ни разу не выбрали военную стезю. Это тем более удивляет, учитывая традиции российской армии и флота, офицерский корпус которой в значительной мере был укомплектован выходцами из обрусевших немецких семей. Цейдлеры предпочитали педагогику, медицину, дипломатию, искусство, коммерцию, предпринимательство, горное дело и науку.

В год кончины отца **Герман Федорович Цейдлер** (1861–1940) завершил учебу на медицинском факультете императорского Московского университета¹⁸ и поступил на работу в С.-Петербургскую Обуховскую больницу. За достаточно короткое время имя профессора, доктора медицины Германа Цейдлера стало заслуженно известным в самых широких медицинских кругах. С 1895 г. Герман Цейдлер возглавляет хирургическое отделение Женской Обуховской больницы, с 1912 г. — хирургическую факультетскую клинику Санкт-Петербургского женского медицинского института¹⁹. Кроме врачебной практики, преподает курс теоретической хирургии, консультирует в Максимилиановской лечебнице Красного Креста и в больнице Общины Св. Евгении, ведет большую общественную работу в Обществе русских врачей, Русского хирургического общества Пирогова (председатель), а в последующем и в Обществе Красного Креста²⁰.

1 сентября 1911 г. знаменитый профессор Цейдлер был вызван из Петербурга к постели умирающего председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина²¹. В эти дни представитель семьи Цейдлеров мог радикально повлиять на ход российской истории, но судьба была неблагоприятна — реформатор Столыпин скончался, и последующие события стали развиваться по самому печальному сценарию²².

Деятельность Германа Цейдлера в годы Первой мировой войны категорически опровергает трафаретное обвинение этнических немцев в предательстве интересов России — в апреле 1915 г. последовало «Высочайшее соизволение на пожалование Знака отличия Красного Креста профессору Цейдлеру»²³, а в октябре 1916 г. «за отличия в делах против неприятеля Заведующий Медицинской частью Управления главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста при армиях Северного фронта, доктор медицины, действительный статский советник Герман Цейдлер награждается орденом Св. Анны

2 степени²⁴». После трагических событий 1917 г. Герман Цейдлер возвращается в знакомые с детства места и поселяется в имении Вонкури под Выборгом²⁵. Большевицкий переворот профессор Цейдлер не принял, считал происходящее временным помешательством, пытался оказать посильную помощь страдающему населению России²⁶. Был членом, а затем в течение многих лет возглавлял Особый комитет по русским делам в Финляндии. Высочайший пример гуманизма проявил профессор Цейдлер при спасении остатков восставшего гарнизона Кронштадтской крепости весной 1921 г.²⁷ Спасаясь от красного террора, моряки и немногочисленные офицеры по льду Финского залива бежали в Финляндию, где нашли приют, медицинскую помощь и питание во временных лагерях, организованных при участии Германа Цейдлера.

Второй раз в жизни профессор Цейдлер мог изменить ход российской истории, но, как и в первый раз, при попытке спасти П.А. Столыпина, надежды были разрушены суровыми реалиями жизни.

О человеческих качествах Цейдлеров говорит и семейная хроника родственной семьи Бурсианов. Собиратель фамильной истории Арсений Тарасович Русаков приводит такие факты: «Семья Цейдлер-Вальтер сыграла очень важную роль в жизни моих родственников Бурсианов, оказав им жизненно важную поддержку во время эмиграции. В 1918 году Герман и София Цейдлеры приютили Марию Бурсиан (1894—1968), племянницу Софии Цейдлер, а во время Второй мировой войны Сергей Цейдлер, сын профессора Цейдлера, спас из немецких концлагерей свою двоюродную сестру Ольгу Бурсиан (1904—1996) и племянников Ирину (1923—2009) и Роберта (1927 г.р.) Бурсианов».

Жизненный путь Германа Федоровича, достойного представителя семейства Цейдлеров, завершился в 1940 г. в финской провинции Хяме, куда профессор был вынужден переселиться из-за надвигавшейся «красной» угрозы.

В нескольких словах расскажем о семье Германа Цейдлера. Жена, **София Антоновна Цейдлер** (урожденная Вальтер, 1872—1961), пережила супруга на долгие двадцать лет, упокоилась в столице Финляндии летом 1961 г. Старшая дочь, **София Германовна** (1894—1983), вышла замуж за садовника, работавшего в имении Цейдлеров, финна Лаури Сало, у них родился сын Эрик. О судьбе младшей дочери, **Катарини Германовны**, известны только даты и место рождения и смерти (1895, Санкт-Петербург — 1962, Хельсинки). Оптимизм внушает судьба

семьи сына профессора, **Сергея Германовича Цейдлера** (1900–1970). По сведениям, полученным от Арсения Русакова, Сергей вернулся на историческую родину предков в Хильдесхайм. В дальнейшем его сын **Андрей** (1929 г. р.) вместе с матерью, **Дорой Деврие** (1904–1988), переехали во Франкфурт-на-Майне. По слухам, там он открыл фирму по торговле мехами и стал удачливым бизнесменом. Таким образом, есть надежда, что не угасла фамилия Цейдлер — Zeidler в Германии!

Необычную профессию выбрал для себя **Людвиг Федорович Цейдлер** (1863–1916), единственный представитель фамилии, посвятивший себя дипломатической службе. В школе Карла Мая Людвиг учился только один год (1880–1881), затем продолжил обучение в частной гимназии и в 1883 г. поступил в Санкт-Петербургский Императорский университет на факультет восточных языков (персидско-турецкий разряд)²⁸. Экзотичным выглядит список языков, которые изучал студент Людвиг Цейдлер: арабский, турецко-татарский, османский и персидский. Уверенно можно сказать, что такой набор знаний был всегда востребован в России, не исключая и нынешние времена. После окончания университета в 1889 г. Людвиг проходил годовую практику в Тегеране, с 1890 по 1900 г. работал в Азиатском департаменте Министерства внутренних дел и затем с 1900 по 1904 г. — в российском консульстве в г. Решта (Иран). Однако в 1904 г. восточную экзотику сменяет служба в российском консульстве в Лейпциге. Учитывая прекрасное знание немецкого языка и немецких традиций, этот переезд не стал проблемой для Людвигу. На родине предков Людвиг прослужил вплоть до начала мировой войны и завершил свою дипломатическую карьеру в ранге российского консула в Штеттине (ныне Польша, Щецин)²⁹. Для полноты картины следует сказать, что с октября 1891 г. семейные узы связывали Людвигу с бывшей британской подданной **Мари Круз** (1872–?). В этом браке родилась дочь **Надежда** (1894–?), о которой известно, что в 1912 г. она закончила с серебряной медалью петербургскую гимназию В.А. Субботиной и в 1913 г. поступила в Императорский Женский педагогический институт³⁰. Единственный известный нам дипломат Цейдлер умер в Санкт-Петербурге 13 августа 1916 г. Можно предположить, что он стал если не прямой, то косвенной жертвой гонений на представителей немецкой диаспоры, развернувшихся в России после начала войны с Германией.

Вторым представителем семейства Цейдлеров, связавшим себя клятвой Гиппократу, был **Густав Фридрихович Цейдлер** (1874–1959), о котором трогательно и с большой любовью уже упоминалось в жи-

вописных текстах И.В. Петрашеня. Жизнь Густава Цейдлера была не столь насыщена событиями и наградами, как у его старшего брата, Германа, но прожил он ее достойно и, безусловно, мог бы достигнуть большей успешности, если бы не революционные потрясения начала XX в. Как и все остальные дети доктора философии Ф.Ф. Цейдлера, Густав родился в Выборге³¹. В 1893 г. в возрасте девятнадцати лет Густав благополучно окончил гимназию Карла Мая и поступил в Императорскую Военно-медицинскую академию, из которой в 1899 г. вышел с похвальным листом и званием лекаря. Свою службу начал в должности младшего врача в Санкт-Петербургской городской Обуховской больнице. Нужно отметить, что в это же время в этом же учреждении в должности младшего ординатора работал и старший брат Густава Герман Цейдлер. В недалеком будущем (1900–1902 гг.) братья будут сотрудничать и в амбулаторной лечебнице Общины Св. Евгении. Младший Цейдлер завершает свою карьеру в пределах Российской империи в должности заведующего Фурштадским отделением Обуховской больницы, помощника Главного доктора Обуховской больницы. К этому времени труды терапевта Густава Цейдлера отмечены орденом Св. Станислава 3 степени (1907) и орденом Св. Анны 3 степени (1910)³². В 1919 г. Густав вместе со своим старшим братом Германом покидает Советскую Россию и работает терапевтом и рентгенологом сначала в Выборге, затем в Гельсингфорсе (Хельсинки). Земной путь трудолюбивого врача завершается в столице Финляндии 26 мая 1959 г. В браке Густава с **Эмми Паулиной Маргаритой Банг** (1882–?) родилась дочь **Катарина**, о дальнейшей судьбе которой нам ничего не известно. Предположительно, потомков Густава Цейдлера нужно искать в пределах Финляндии.

Рудольф Федорович Цейдлер (1872 — после 1965), четвертый сын Фридриха Цейдлера, стал основателем горнозаводских семейных традиций. После окончания полного курса гимназии Карла Мая в 1890 г. Рудольф поступил в Санкт-Петербургский горный институт, который закончил в 1895 г.³³ Примечательно, что Рудольф Цейдлер только в 1896 г. обращается в Горный департамент Министерства земледелия и государственных имуществ с просьбой «не отказать в надлежащем распоряжении вычеркнуть меня из списков уроженцев Великого княжества Финляндского». И только 9 сентября 1897 г. следует Высочайшее распоряжение «перечислить в Империю финляндского уроженца, горного инженера Рудольфа Цейдлера»³⁴.

Горный инженер Рудольф Цейдлер продолжает успешно трудиться на заводах Донецко-Юрьевского металлургического общества, умело сочетая инженерную и коммерческую деятельность. К 1900 г. Рудольф Федорович уже является членом правления и директором-распорядителем Богословского горнозаводского общества, техническим руководителем работ Брянского общества, управляющим Керченского общества металлургических заводов и рудников. Его стараниями 30 мая 1900 г. под малиновый звон керченских церквей и песнопения была запущена и освящена первая домна в Керчи³⁵.

К началу войны 1914 г. горный инженер Р.Ф. Цейдлер — директор-распорядитель Общества Богословской ж.д., председатель правления Русско-Персидского горно-промышленного общества, член правления Богословского горнозаводского общества³⁶. В счастливом браке с **Евгенией Ундольской** (1883 — после 1928) родились дети: **Георг** (1902—?), **Вольдемар** (1905—1989), **Дмитрий** (1906—1941), **Ирина** (1910—?), **Елена** (1917—2009).

После Октябрьской революции Рудольф переехал в Финляндию. По утверждению краеведа М. Костоломова, инженер Цейдлер был директором предприятия и хозяином имения Пиетиля на Сайменском канале³⁷. С другой стороны, есть упоминания в печати, датированные 1931 г., где Рудольф заявлен как собственник акций промышленных предприятий Эстонии, также известна книга Рудольфа Цейдлера, посвященная проблемам разработки эстонских сланцев³⁸. Скорее всего, Рудольф Цейдлер успешно сочетал предпринимательскую и инженерную деятельность в двух странах — в Эстонии и в Финляндии.

В заключение рассказа об основателе горнозаводских традиций Цейдлеров нужно сказать, что личность Рудольфа Цейдлера оказала большое влияние на его племянника, **Александра Альбертовича Цейдлера** (1899—1993), ставшего впоследствии известнейшим ученым и практиком в области цветной металлургии.

Альберт Федорович Цейдлер (1865—1908), единственный из сыновей Фридриха Цейдлера не учился в гимназии Карла Мая. Свою профессиональную подготовку инженера-технолога пивоварения Альберт получил за пределами России, в Германии. После возвращения в Россию он начал работать на знаменитом Трехгорном пивоваренном заводе в Москве³⁹. Этот завод был создан в 1875 г. Альбертом Альбертовичем Кемпе, родным дядей Альберта Цейдлера, и производил лучшее пиво в России. В 1907 г. Альберт Цейдлер становится директором и совладельцем завода. Благодаря энергии дяди и племянника за-

вод становится лидером отрасли по использованию технических новшеств в области пивоварения. Альберт Цейдлер вошел в историю как один из продолжателей лучших традиций пивоварения в России⁴⁰.

Семейная жизнь Альберта не была безоблачной — первый брак с англичанкой **Паолой Круз**⁴¹ (?–1906) прервался ее трагической смертью. В этом браке родились **Вера** (1894–1982), **София** (1896? — после 1970), **Александр** (1899–1993), **Николай** (1897? — после 1917), **Наталья** (1903–?). В 1906 г. Альберт женился на **Надежде Германовне Дукс** (1876–1970), но вскоре после рождения сына **Владимира** (1907–1938) Альберт Федорович Цейдлер был убит при странных обстоятельствах. В заметке по этому поводу в «Московских ведомостях» написано: «На Трехгорном пивоваренном заводе, что за Дорогомиловской заставой, совершено злодейское убийство директора этого завода А.Ф. Цейдлера. Убийство остро отточенным шилом совершил помощник монтера, которому директор завода сделал замечание...». В других источниках говорится об анархистах. Фамильная легенда гласит, что существовали какие-то угрозы со стороны конкурентов. Вряд ли когда-нибудь мы узнаем правду. Можно сказать, что Альберт Цейдлер стал первой фамильной жертвой надвигающегося смутного времени.

Для полноты картины мы обязаны рассказать о женской половине семьи Цейдлеров. По понятным причинам сведения о женах и дочерях Цейдлеров носят скудный характер. Только в конце XIX в. появляется слабая надежда найти хотя бы редкие документы воспитанниц учебных заведений и еще более редкие послужные списки. В большинстве случаев документальные свидетельства ограничиваются метрикой и записью в послужном списке мужа — «женат первым браком на девице С., дочери тайного советника К». К счастью, именно женская линия с большей тщательностью и готовностью хранит семейные тайны и предания. Мужчины Цейдлеры выбирали себе жен из своего круга, не редким явлением были многократно перекрещивающиеся семейные связи — два родных брата женились на двух родных сестрах, дядя — на племяннице, старший брат — на вдове младшего. Это помогало сохранить семейные, профессиональные и национальные традиции. Однако при первой возможности женщины Цейдлеры старались выйти из жесткого круга чисто семейных обязанностей, получали образование, пытались реализоваться как самостоятельные личности. Уже матриархи рода, Берта и Агнесса Кемпе, преподавали в школах своих мужей. Второе поко-

ление, дочери Фридриха Цейдлера, Клара, Антония и Эмма, получили прекрасное образование и достойно проявили себя на ниве образования и искусства. Самостоятельные, умные, целеустремленные, они с трудом находили себе достойных спутников жизни. К сожалению, можно говорить еще об одной семейной традиции — высокая планка требований женской половины Цейдлеров для многих осталась непреодолимой. Безбрачие и бездетность были платой за эмансипацию и образование.

Наиболее интересна и показательна судьба старшей дочери Фридриха Цейдлера, **Клары Федоровны**. Дочь доктора философии родилась в Выборге 25 апреля 1870 г. Начальное образование получила в частном учебном заведении фон Клейн в г. Валке⁴². Уже во время учебы в школе проявила незаурядные способности к рисованию, которые были развиты и закреплены в Центральном училище технического рисования барона Штиглица⁴³ (выпуск 1894 г.). В 1897 г. Клара Цейдлер принята учительницей рисования в Императорское воспитательное общество благородных девиц⁴⁴. В 1912 г. Всемиловейше награждена Мариинским знаком отличия беспорочной службы второй степени, в 1913 г. «предоставлено право ношения на груди Высочайше учрежденного в память 300-летия Царствования дома Романовых светло-бронзовой медали». В 1914 г. входила в педагогический совет школы Императорского общества поощрения художеств⁴⁵, директором которой в это время был Н.К. Рерих (1874—1947). В одном из писем Николая Константиновича, адресованных Р.Я. Рудзитису и Г.Ф. Лукину, есть такие признательные строки: «О К.Ф. Цейдлер я всегда был хорошего мнения <...> Она была хорошей преподавательницей, вела акварельный класс, выявившись успешной учительницей, и утверждала прочные устои»⁴⁶. Нужно отметить, что и Клара Федоровна не забыла своего директора и поздравила его с 50-летием творческой деятельности в 1937 г.⁴⁷

В 1917 г. профессор Клара Цейдлер преподавала в училище барона Штиглица. К этому же периоду относится и плодотворное сотрудничество с известной ювелирной фирмой Фаберже⁴⁸.

Однако в 1918 г. Клара Цейдлер была вынуждена эмигрировать из России, приняла эстонское гражданство и обосновалась в Таллинне, где в 1919—1940 гг. работала в Государственном художественно-промышленном училище преподавателем художественной обработки металла, росписи фарфора, рисунка и акварели. Кроме этого, г-жа Цейдлер открыла в Таллинне частную студию, выступала на выстав-

ках, участвовала в основании объединения художников декоративно-прикладного искусства «RaKÜ». Ее работы были неоднократно представлены на официальных выставках эстонского искусства за рубежом — в 1929 г. в Хельсинки, Любеке и Киле, в 1939 г. в Риме и Будапеште. Произведения Клары Цейдлер и по сей день хранятся в музеях Эстонии, Швеции и Германии.

В 1941 г. Клара Цейдлер эмигрировала из Эстонии в Финляндию, откуда почти сразу перебралась в Германию, в Мекленбург, а в 1948 г. — в Швецию. Свой жизненный путь Клара Цейдлер завершила 9 сентября 1951 г. в Эскилстуне (Швеция). Можно предположить, что все переезды незаурядной представительницы женской линии Цейдлеров были связаны с желанием жить в свободном культурном и творческом пространстве, которое трудно сочеталось с советским строем.

Гораздо более скудными знаниями мы располагаем о судьбе двух сестер Клары — **Антонии** (1876–1962)⁴⁹ и **Эммы** (1868–1923). Антония получила среднее образование в женском училище Св. Петра и в 1895 г. поступила на знаменитые Бестужевские курсы⁵⁰. После окончания курсов в 1899 г.⁵¹ Антония вплоть до 1902 г. руководила практическими занятиями по химии со слушательницами Высших женских курсов. Это свидетельствует о редких для девушки незаурядных способностях в сложнейших сферах физики и химии. В дальнейшем Антония работала в знаменитой Бултеровской лаборатории⁵². О жизненном пути Эммы мы знаем еще меньше: предположительно работала учительницей в школе при Российско-Американской резиновой мануфактуре, которой в это время заведовал родной брат ее матери, Борис Альбертович Кемпе. Уместно еще раз отметить тесные семейные связи Цейдлеров и Кемпе: Альберт Федорович Цейдлер работает на заводе своего дяди, Альберта Альбертовича Кемпе, Эмма Федоровна — у другого родного дяди, Бориса Альбертовича Кемпе. В этом проявляются семейные традиции взаимной заботы и поддержки. О трогательных отношениях в семье свидетельствует и тот факт, что очень долгое время дочери Фридриха и Берты Цейдлеров жили вместе с матерью в семейном гнезде на Садовой улице, а затем, вплоть до революции, сестры совместно снимали квартиру на Екатеринбургском проспекте⁵³.

О судьбе матери и сестер Цейдлер после революции известно очень мало. Исключение составляет только Клара Цейдлер, о которой подробно написано выше. Скорее всего, женская часть фамилии присоединилась к Герману, Густаву и Рудольфу Цейдлерам и эмигриро-

вала в Финляндию. Прямым доказательством этого служит документально зафиксированная биография Клары, косвенным — место упокоения матриарха, Берты Цейдлер (местечко Ретцел под Выбогом).

Исход семьи Цейдлеров из России знаменовал печальный итог социального и национального противостояния начала XX в. Именно в этот период был нанесен непоправимый ущерб взаимоотношениям двух наций, двух культур. Трудно сказать, кто больше пострадал от этого — потери были обоюдными и трудно восполнимыми. Печальная статистика свидетельствует: из десяти предреволюционных выпускников гимназии Карла Мая с немецкими корнями только треть осталась в России, и, дай Бог, чтобы хотя бы один из них дожил до глубокой старости, не подвергаясь жестокому давлению репрессивного аппарата.

Из всех многочисленных ветвей фамилии после 1917 г. в пределах обретенного отечества обитали только потомки Альберта Федоровича, директора Трехгорного пивоваренного завода, и дочь дипломата Людвиг Федоровича. Возможно, это было связано с тем, что и Альберт, и Людвиг к этому моменту ушли из жизни, и вдовам с детьми было тяжело решиться на отъезд в неизвестность. За редким исключением их дальнейшая судьба подтверждает нашу печальную статистику. **Николай Альбертович Цейдлер**, старший сын Альберта Цейдлера, по семейным преданиям, был расстрелян в Екатеринбурге как участник Белого движения. Старшая дочь Альберта, **Вера Альбертовна Цейдлер** (1894—1982), до революции успела окончить престижный колледж на родине своей матери в Оксфорде, кроме русского языка прекрасно владела немецким, английским и французским. После революции работала стенографисткой в штате секретариата В.И. Ульянова (Ленина), что, однако, не спасло ее от репрессий. После начала войны как социально и национально чуждый элемент выпускница Оксфорда была сослана в Казахстан, работала машинисткой в простом казахском совхозе, и только благодаря героическим стараниям своей племянницы Веры Александровны Цейдлер⁵⁴ (1925—1994) после смерти И.В. Сталина смогла вернуться в Москву. В дальнейшем «чуждый элемент» работал секретарем у академика Т.Д. Лысенко (1898—1976) в Институте генетики, ютилась в коморке при здании института. Только в конце 1960-х годов благодаря статье в журнале «Наука и жизнь»⁵⁵, в которой было рассказано о работе Веры Альбертовны в секретариате В.И. Ульянова (Ленина), она была

удостоена звания персональной пенсионерки и получила отдельную комнату.

Родная сестра Веры Альбертовны, **София Цейдлер** (1896? — после 1970), повторила судьбу старшей сестры, провела более десяти лет на поселении в степях Казахстана. Сохраняя лучшие семейные традиции, София осталась в памяти близких исключительно волевой и цельной личностью, вместе с тем не лишенной немецкой сентиментальности. Не имея своих детей, очень любила племянников. После возвращения в цивилизацию была лишена московской прописки, жила в деревенском доме в двадцати километрах от Москвы и, несмотря на это, до конца жизни работала в центральной клинике МПС, защитила кандидатскую диссертацию и прославилась безупречной репутацией специалиста по болезням суставов. Оставаясь верной клятве Гиппократата, София Альбертовна лечила и наркома Кагановича, и знатных железнодорожников, но при этом всю жизнь крайне неодобрительно отзывалась о существующих порядках и с теплом вспоминала давние времена. Думается, она имела на это полное право.

Младшая дочь пивовара Цейдлера **Наталья** (1903 — после 1945), по решению семейного совета сразу после революции была отправлена в Германию. С ее именем связана фантастическая история спасения во время Второй мировой войны **Татьяны Ковалевой (ур. Цейдлер)**, внучки Людвиг Федоровича Цейдлера. По семейным преданиям, Татьяна Ковалева-Цейдлер вышла замуж за командира РККА, пограничника, который погиб в первые дни войны. Татьяна вместе с маленькой дочерью Надеждой, названной в честь своей бабушки, Надежды Людвиговны Цейдлер, оказалась на оккупированной территории и спаслась от гибели благодаря чудом сохранившимся документам на девическую фамилию Цейдлер. С этими документами Татьяна как фольксдойче смогла въехать на территорию Германии и нашла в Берлине (!!!) свою двоюродную тетю Наталью. В традициях семьи Цейдлеров была помощь близким — тетя приняла свою «советскую» племянницу и, хотя по рассказам Татьяна с явной симпатией приняла «новый порядок» и люто ненавидела советский строй, обеспечила беженцам кров и пищу. Впрочем, относилась к своим племянникам без излишней сентиментальности — всю войну Татьяна проработала в хозяйстве тетушки как обычный остербайтер. При приближении Советской Армии истинная арийка Наталья Альбертовна Цейдлер категорически настаивала на эвакуации в западный сектор разваливавшегося Рейха. Однако Татьяна сохранила любовь к отечеству, после

«крупного политического конфликта» она рассталась с фрау Цейдлер и с надеждой устремилась навстречу Советской Армии. Что потом последовало, нетрудно было представить: два раза Татьяну хотели расстрелять как фашистскую шпионку и предательницу Родины, затем — фильтрационные лагеря, осуждение по 58-й статье и ссылка. Родина-Мать не слишком баловала лаской русских немцев.

Впрочем, были счастливые исключения. Из всех потомков доктора философии Фридриха Цейдлера, оставшихся в Советской России, судьба была наиболее благосклонна к его внуку, продолжателю горных традиций, доктору технических наук, лауреату Государственной премии, профессору **Александру Альбертовичу Цейдлеру** (1899–1993)⁵⁶. Несмотря на подозрительное происхождение: родной брат — белогвардеец, дядя — «окопавшийся в Финляндии контрреволюционер», отец — капиталист, младшая сестра — эмигрантка, — Александр Альбертович стал известным ученым, одним из основателей отечественной цветной металлургии, отмечен многочисленными наградами и премиями. Импозантный блондин с голубыми глазами, высокого роста, с прекрасным чувством юмора, отличным знанием иностранных языков — классический представитель семьи Цейдлеров — Александр Альбертович еще успел застать увядавшее величие Российской Империи. На вопрос, откуда знание языков отвечал: «...утром приходила англичанка, днем француженка, а вечером в семье говорили на немецком. В революцию все отняли». В кругу семьи часто вспоминал светлые летние месяцы в родовом гнезде Папула под Выборгом, походы под парусом из имения в город за хлебом, набеги на ягодные плантации и грибную охоту. С большой благодарностью и теплотой говорил о своем родном дяде Рудольфе, серьезно повлиявшем на выбор профессии металлурга. В раннем детстве Александр практически потерял слух, что не помешало ему в 1917 г. закончить с золотой медалью гимназию, в 1924 г. — Ленинградский политехнический институт, позднее защитить кандидатскую и докторскую диссертации и стать крупнейшим специалистом в своей области. По рассказам родственников, соответствующие органы не оставляли семью А.А. Цейдлера без внимания — несколько раз производились тщательные обыски в квартире, искали следы контактов с зарубежными родственниками, компрометирующие материалы, запрещенную литературу. Но профессор Цейдлер был настолько погружен в свой молчаливый мир и занят своей любимой профессией, что даже изошренно-преступная карательная машина в недоумении отступала. До

конца жизни увлекался яхтенным спортом, участвовал и побеждал с сыновьями Альбертом и Николаем⁵⁷ в московской регате. В памяти многих людей Александр Альбертович остался светлым и увлеченным своим делом человеком.

К сожалению, на сегодняшний день в России не осталось носителей фамилии нашей ветви Цейдлеров, но семейные традиции свято сохраняются и передаются из поколения в поколение в семьях внуков и правнуков. Остается надежда, что и в европейском пространстве остались прямые потомки доктора философии Цейдлера.

В самом начале российской саги семьи Цейдлеров патриарх Фридрих Цейдлер привез из Германии в Россию семена роз как воспоминание о своем родном доме, о милом фатерлянде. Нежные растения хорошо прижились в северной стране. Благодаря тщательному уходу на скалистой, обдуваемой морскими ветрами земле усадьбы Папула выросла целая плантация розовых кустов нового сорта, названного по месту его рождения розами Папула (*Rosa Pimpinellifolia-gyhma* «Parula»). Отсюда цветы широко распространились по югу Финляндии и северу России. Так же и дети доктора Цейдлера трудом своим и любовью проросли в земле российской — за исторически короткое время стали органичной частью русского общества, верой и правдой служили вновь обретенному отечеству, и «вся семья Цейдлеров, состоящая из прекраснейших людей, сильных, деловых и нежных душою мужчин и женщин»⁵⁸ оставила значимый и неизгладимый след в нашей истории.

Надеемся, что в этом видится не только глубокое символическое значение, но и счастливое предзнаменование.

1. Немцы России: Энциклопедия. СПб.: ЭРН, 2004.
2. РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Дела о переходе в российское гражданство.
3. Черказьянова И.В., Смагина Г.И. Немецкие школы и немецкие учителя // Немцы в России: Историко-документальное издание / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Лики России, 2004.
4. Королев А.В. Проповедь пангерманизма в русской школе. Пг, 1915.
5. Геттингенский университет имени Георга-Августа (нем. *Georg-August-Universität*) — один из самых крупных и старейших университетов Нижней Саксонии.
6. Великая княжна **Ольга Николаевна** (1822–1892) — дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, жена Карла I, короля Вюртембергского. С 1846 г. жила в Германии, но никогда не теряла связи

с Россией. Ольга Николаевна много времени посвящала благотворительным учреждениям, тем самым завоевав любовь и уважение немецкого населения.

7. Карл Готлиб Бем (1823–1856) — видный педагог, кандидат богословия, выпускник Дерптского университета. В 1853 г. основал в Выборге училище (пансион) для мальчиков «с курсом средних учебных заведений и с преподаванием предметов на немецком языке».

8. Благово Н.В. Школа на Васильевском острове. СПб.: Наука, 2005. Ч. 1. С. 221.

9. Следует отметить, что отчество у детей Фердинанда Фридриха Цейдлера варьировалось как Фердинандович (редко), Фридрихович (зачастую), Федорович (очень часто). Более того, один и тот же Цейдлер в некоторых документах упоминается как Фридрихович, а в других — как Федорович.

10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 129. Д. 310. Л. 1, 4.

11. Благово Н.В. Школа на Васильевском острове... Годы учебы Цейдлеров в школе К. Мая: Герман — 1878–1880; Людвиг — 1880–1881; Рудольф — 1886–1890; Густав — 1887–1893.

12. Там же. С. 219–258. Отрывки из воспоминаний И.В. Петрашеня. Полная версия воспоминаний в настоящее время готовится к изданию.

13. Густав Цейдлер был только уроженцем Финляндского княжества.

14. Берта Альбертовна Цейдлер (Кемпе) — вдова Фердинанда Фридриха Цейдлера.

15. Вейка — легкие прогулочные конные сани, которыми управляли приезжавшие в Санкт-Петербург на масленицу финны. «Вейками» назывались как сани, так и их возницы.

16. Джесси Андреевна Петрашень (урожд. Парланд, 1878–1942).

17. Валга/Валка — разделенный город, расположенный на границе Эстонии и Латвии. Город впервые был упомянут в 1286 г.

18. РГИА. Ф. 740. Оп. 8. Д. 656. Л. 22–28.

19. Хирургическая факультетская клиника Санкт-Петербургского Женского медицинского института. Речь, сказанная при открытии клиники проф. Г.Ф. Цейдлером. СПб., 1912.

20. РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 367. Л. 254–256.

21. Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — российский государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи.

22. Солженицын А.И. Красное колесо. Узел I. Август Четырнадцатого // Солженицын А.И. Собрание сочинений. Вермонт-Париж: YMCA-PRESS, 1982–1991. Т. 11–20.

23. ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14514. Л. 26, 28.

24. Ранее Г.Ф. Цейдлер был награжден орденами св. Станислава 3 степени (1898) и 2 степени (1902) и орденом Владимира 4 степени (1905).

25. В 1910 г. имение Вонкури принадлежало советнику Эрнсту Цейдлеру, родному дяде Г.Ф. Цейдлера. Костоломов М. Wiborgiana. Краеведческие очерки. Керамаа: Керимики, 2010.

26. Herman Zeidler. Describes agony of dying Petrograd // The New York Times. 1920. October 7.

27. Кронштадт — 1921 / Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. М.: Межд. фонд «Демократия», 1997.

28. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23637, 1888 г.

29. Архив и библиотека Эрика Амбургега. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=39761>.

30. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5171.

31. ЦГИА СПб. Ф. 62. Оп. 1. Д. 289, 1899 г.

32. РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1000. Л. 130–132.

33. ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10345.

34. РГИА. Ф. 1284. Оп. 129. Д. 310.

35. Черемовский Ю.Ю. Русская рулетка. Ист. публицист. очерки к 100-летию Керченского металлургического комбината им. П.Л. Войкова. Симферополь: Таврида, 2000.

36. РГИА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 905. Л. 43, 64, 65.

37. Костоломов М. Wiborgiana...

38. Цейдлер Р.Ф. Новые пути использования горючего сланца и его переработка на масла: Пер. с нем. М.; Л.: НКТП, 1935.

39. Трехгорный пивоваренный завод в Москве, впоследствии Бадаевский пивоваренный завод, был открыт в 1875 г. Альберт Цейдлер был директором завода в 1907 г.

40. Родоначальником заводского пивоварения в России был финн Аврам Крон (1766–1827), основавший первый пивоваренный завод в Санкт-Петербурге в 1795 г.

41. Паола Круз — родная сестра Мари Круз, жены младшего брата Адольфа, Людвиг Цейдлера.

42. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14745.

43. Центральное училище технического рисования барона Штиглица — государственное художественное учебное заведение готовило художников декоративно-прикладного искусства для промышленности, а также учителей рисования и черчения для средних художественно-промышленных школ.

44. Более известно под наименованием «Смольный институт благородных девиц» — первое в России женское учебное заведение, положившее начало женскому образованию. Основано по указу Екатерины II в 1764 г. в Санкт-Петербурге.

45. Императорское общество поощрения художеств — старейшее в России (1820–1929 гг.) благотворительное общество, созданное с целью содействия развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов.

46. Рерих Е.И., Рерих Н.К. Собр. соч. Т. II. М., 2000. С. 73.
47. *Zelta gramata*. Riga, 1938. С. 108.
48. Клару Цейдлер как художницу по эмали упоминает Франц Бирбаум (1870–1947), главный мастер фирмы Фаберже с 1893 по 1918 г.
49. ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 1. Д. 149.
50. Бестужевские курсы — высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1878–1918). Одно из первых женских высших учебных заведений в России.
51. Бестужевка в цифрах. К 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов. 1878–1918 гг. / Сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2008.
52. Бутлеров А.М. (1828–1886) — создатель первой русской школы химиков. В Бутлеровской лаборатории при Петербургском университете работали видные русские химики: А.Е. Фаворский, М.Д. Львов, И.Л. Кондаков. Е.Е. Вагнер, Д.П. Коновалов, Ф.М. Флавицкий и др.
53. До 1901 г. по адресу Садовая, 88, с 1901 до 1917 г. по адресу Екатерингофский пр., 20.
54. Вера Александровна Цейдлер — дочь профессора Александра Альбертовича Цейдлера и мать автора статьи Алексея Феликсовича Клебанова (1958 г.р.)
55. Вексман Р. Как мы записывали речи В.И. Ленина // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 22–26.
56. Александр Альбертович Цейдлер. К 100-летию со дня рождения // Цветные металлы. 1999. № 9. С. 122–123.
57. В трех браках у Александра Альбертовича Цейдлера выросли сыновья Николай (1926–2008), Альберт (1928–1982), Владимир (приемный) и дочери Вера (1925–1994), Ирма и Елена (приемная).
58. И.В. Петрашень и его семья: страницы прошлого. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов и Музей истории школы К. Мая, 2001.

Рис. 1. Фердинанд Фридрих Цейдлер. Из архива семьи Цейдлер. Фотография публикуется впервые

Рис. 2. Берта Альбертовна Цейдлер (ур. Кемпе). Из архива семьи Цейдлер. Фотография публикуется впервые

Рис. 3. Герман Федорович Цейдлер. Около 1910 г. Фотография из иллюстрированного Вестника культуры «Наши деятели по медицине»

Рис. 4. Густав Федорович Цейдлер. Около 1890 г. Из архива Е.М. Ледовской

Рис. 5. Рудольф Федорович Цейдлер.
1890 г. ЦГИА СПб.

Рис. 6. Альберт Федорович Цейдлер.
Начало XX века.
Из семейного архива А.Ф. Клебанова

Рис. 7. Клара Федоровна Цейдлер.
1930-е годы. Таллинн.
Эстонский исторический музей

Рис. 8. Александр Альбертович
Цейдлер. Около 1915 г.
Из семейного архива
А.Ф. Клебанова. Фотография
публикуется впервые